

МАСТЕРА СОВЕТСКОЙ КАРИКАТУРЫ

КОНСТАНТИН РОТОВ

КАРИКАТУРЫ

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА» ★ МОСКВА ★ 1970

О РОТОВЕ

Мое знакомство с Константином Павловичем Ротовым началось заочно. Дело было так. Смолоду заинтересовавшись искусством карикатуры, я всегда внимательно рассматривал попадавшие в мои руки сатирические журналы и наиболее приглянувшиеся рисунки вырезывал или в меру своего умения перерисовывал в особую тетрадь.

И теперь, спустя добрых голвека, могу похвалиться, что среди отличных работ художников «Сатирикона» и других выдающихся карикатуристов предоктябрьского периода от моего внимания не ускользнул маленький рисунок, напечатанный летом 1917 года в петроградском сатирическом журнале «Бич». Рисуночек изображал уличный митинг и подкупил меня необычайной живостью и выразительностью человеческих фигурок, очерченных четким, уверенным контуром. Была указана фамилия художника: К. Ротов.

Еще раз с удовольствием рассмотрев рисунок, я приобщил его к своей коллекции.

Я тогда, конечно, еще не мог знать, что понравившийся мне рисунок в «Биче» был первой карикатурой Ротова, появившейся в печати. Художнику было тогда 15 лет.

С тех пор от рисунка к рисунку росло и расцветало дарование Константина Павловича, покоряя читателей неиссякаемой изобретательностью, щедростью веселой и озорной фантазии, совершенно необыкновенной способностью подмечать комические детали и черточки в выражении лиц, в поведении, манерах, жестах, движениях людей. Впрочем, Ротов умел видеть смешное не только в людях. С удивительным юмором

изображал он и животных, птиц, насекомых, здания, деревья — все, на что был устремлен его внимательный, зоркий, светящийся доброй улыбкой взгляд.

Мало можно назвать художников, которые были бы равны Ротову в богатстве юмористической выдумки и в умении придать ей изящную, отточенную, не боюсь сказать, виртуозную графическую форму.

В волшебной легкости ротовского искусства было что-то моцартовское. Однако вряд ли в ком-нибудь из художников-коллег это рождало темную зависть, подобную той, что терзала душу Сальери. Прежде всего потому, что все очень любили Константина Павловича — диллого, скромного, застенчивого. И потом все очень хорошо знали, сколько упорного, самозабвенного, усидчивого труда вкладывал Ротов в свои «легко сделанные» работы. Но трудился он так вдохновенно и весело, с таким увлечением и удовольствием, что рисунки его рождались так же просто и естественно, как рождаются звонкие трели пригретой солнцем певчей птицы.

Ему весело работалось. И весело было смотреть на его работы.

Удивительный природный вкус и безошибочное художественное чувство меры оберегали Ротова от сатирического «пересола», который подчас вредит работам весьма талантливых рисовальщиков. Ротов никогда не уродовал людей, не окартикурировал их до кретиноподобного обличья, а очень точно, с наблюдательностью веселой и неопровержимой, беззлобно, но метко подчеркивал их смешные стороны. Ротовский юмор становился увеличительным

стеклом, выпукло и четко выявлявшим комический элемент любой жизненной ситуации.

Зрительная память Ротова была изумительна. Достаточно было ему мельком взглянуть на любой предмет, чтобы безошибочно перенести его потом в рисунок, и притом не копируя натуралистически, а в забавном стилизованном обобщении. Особую прелесть придают ротовским рисункам щедро рассыпанные в них приметы времени, сохраняющие атмосферу и неповторимый колорит эпохи.

Ушел Константин Павлович из жизни обидно рано. А как много хорошего мог бы еще создать этот замечательный мастер, сколькими прелестными произведениями своего светлого, оптимистического дарования мог бы порадовать советских людей!

Написано о Ротове еще очень немного, большинство его рисунков незнакомо молодому поколению читателей. Вот почему, как нельзя более нужной и своевременной является настоящая монография о творчестве Константина Ротова. Автор этой работы — заслуженный работник культуры РСФСР Исаак Павлович Абрамский, один из организаторов и первый художественный редактор «Крокодила», не только непосредственно общавшийся с Ротовым на протяжении всей его творческой деятельности, но и связанный с ним личными дружескими отношениями.

Работа И. П. Абрамского создает живой и интересный портрет Константина Павловича Ротова — талантливого художника, обаятельного человека.

Бор. ЕФИМОВ,
народный художник СССР.

— ПОСТОЯТЕ, ГРАЖДАНИН! ВЫ ЕЩЕ СО МНОЙ НЕ РАССЧИТАЛИСЬ...

очень смешной по обыкновению рисунок. Раздавались взрывы хохота...

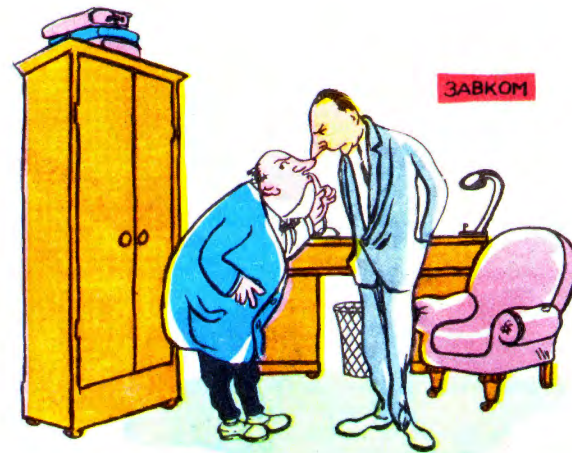
Ротов рисовал удивительно легко и непринужденно, как бы играя. Чувствовалось, что он получает величайшее наслаждение от самого процесса творчества. Оно захватывало все его существо. В часы работы он как бы преображался. Все его жизненные силы сосредоточивались в острейший карандаш, которым он необычайно быстро и уверенно набрасывал контуры будущего рисунка.

Даже сидя в кино (а Ротов его очень любил), он подмечал в мелькающих на экране кадрах любопытные детали, которые потом использовал в своих юмористических композициях.

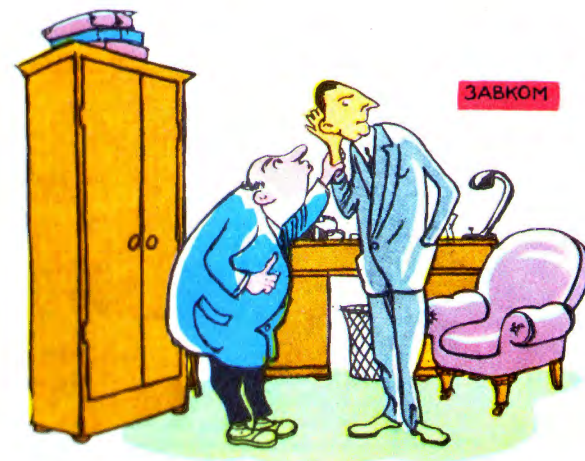
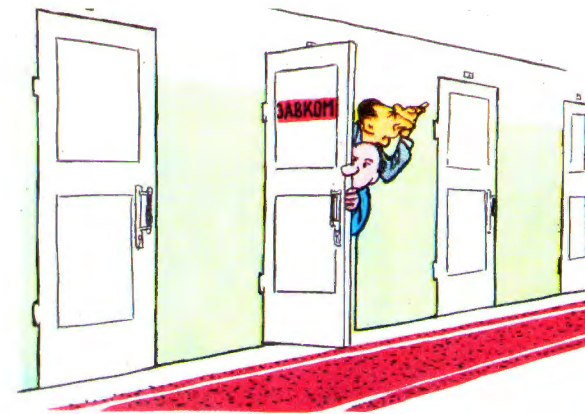
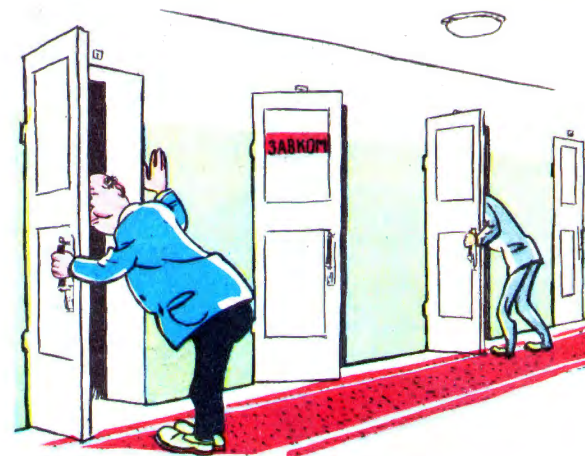
Не успевал он услышать какую-нибудь шутку или смешной рассказ, как у него с кибернетической быстротой возникала композиция массового рисунка, и он спешил закрепить ее на бумаге. Он успокаивался, только когда на листе ватмана отчетливо вырисовывались контуры новой работы.

Есть что-то общее в творческом методе художника Константина Ротова и писателя Михаила Зощенко — двух наиболее ярких представителей юмористического жанра. Зощенко садился записывать на бумагу свой новый рассказ только после того, как его сюжет во всех деталях уже созрел в голове писателя. Точно так же, когда Ротов садился рисовать, он мог так быстро создавать свои сложнейшие композиции только потому, что в своем воображении, как на своеобразном экране, уже видел будущий рисунок со всеми мельчайшими подробностями. Но на этом параллель с творчеством Зощенко кончается. Михаил Михайлович очень долго, иногда мучительно, вынашивал сюжетную композицию рассказа и стилистику его изложения. Ротов же был необычайно стремителен в творческом осуществлении своего замысла.

Мы с Костей жили на Клязьме в одной даче, и я из окна своей комнаты часто с интересом наблюдал, как он работал, сидя на террасе в своей любимой позе, положив ногу на стул. Художник одновременно работал, курил и успевал еще поиграть с резвым котенком, тут же привязанным на ленточке к стулу. Найдя неожиданно ка-

— Товарищ Ларин, а ну, давай посмотрим, нет ли кого поблизости...

Теперь я тебе смело скажу: наш директор — бюрократ!..

кую-то смешную деталь рисунка, он улыбался и иногда посмеивался вслух.

Никогда не делая предварительных набросков и эскизов, он прикипчивал к доске лист ватмана и сразу начинал рисовать.

Константина Павловича как-то спросили в редакции «Крокодила», почему он не пользуется фонарем, при помощи которого некоторые художники «на просвет» перерисовывают на будущей оригинал отдельные уже нарисованные части рисунка.

— А он мне не нужен, — по обыкновению улыбаясь, говорил Ротов. — Когда я начинаю делать любой рисунок, пусть самый сложный, у меня вся его композиция уже в голове...

И уже через несколько часов он начинал обводить тушью сложнейший рисунок, в котором изображена добрая сотня человеческих фигур. На одну его компоновку другой художник потратил бы несколько дней!

Ротов почти не знал, что значит длительная, часто мучительная, работа над композицией, бесконечные переделки рисунка, новые варианты, которые иногда оказываются, кстати сказать, хуже предыдущих...

Рисовал он своим необычайно точным, предельно выразительным «ротовским» штрихом — изящным и несколько изысканным, — создавая совершеннейшие юмористические композиции, которые способна была родить его чудесная фантазия.

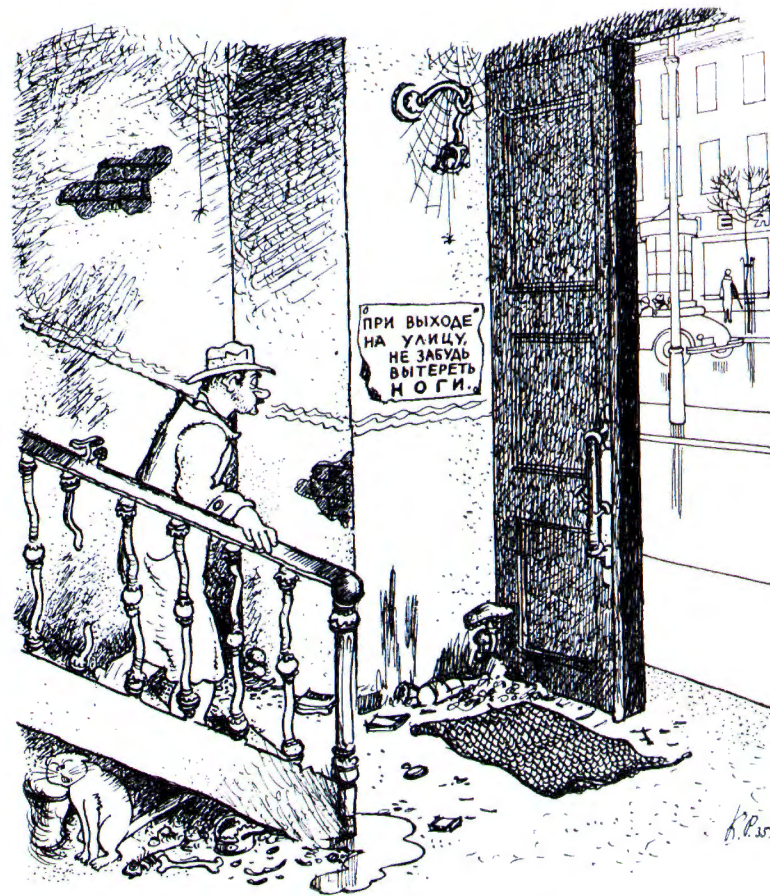
Есть в ротовском штрихе и острая, динамичная выразительность художественного почерка Михаила Черемных и мужественная четкость графики Дмитрия Моора. И вместе с тем Ротов сугубо индивидуален и неповторим.

Блестящая игра ротовского воображения всегда питалась окружающей действительностью, из которой он неизменно черпал свои впечатления и оригинальные комические выдумки.

Однажды, сидя на весьма унылом совещании, Ротов по обыкновению что-то рисовал. Я через плечо заглянул в Костин блокнот и невольно рассмеялся. Ротов изобразил двух участников скучного совещания, которые незаметно для председателя преспокойно спят, так как на стеклах их очков предусмотрительно нарисованы внимательно глядящие зрачки их глаз...

Я толкнул Костю в бок и шепотом попросил его дать мне этот рисунок. — Зачем тебе? — спросил Ротов. — В номер дадим! — сказал я ему на ухо. — Да что ты... — рассмеялся Костя, — это ведь просто чепуха! Он совершенно не подозревал, что этот рисунок станет впоследствии од-

ним из его весьма популярных произведений. На редкость эмоциональный художник умел так разговаривать со зрителем на своем графическом языке, что иногда подпись под его рисунками была совершенно излишней. Его динамичный и в то же время плавный штрих был словно озвучен и «беседовал» с читате-

НЕОБХОДИМОЕ ПРЕДУПРЕЖДЕНИЕ

1935

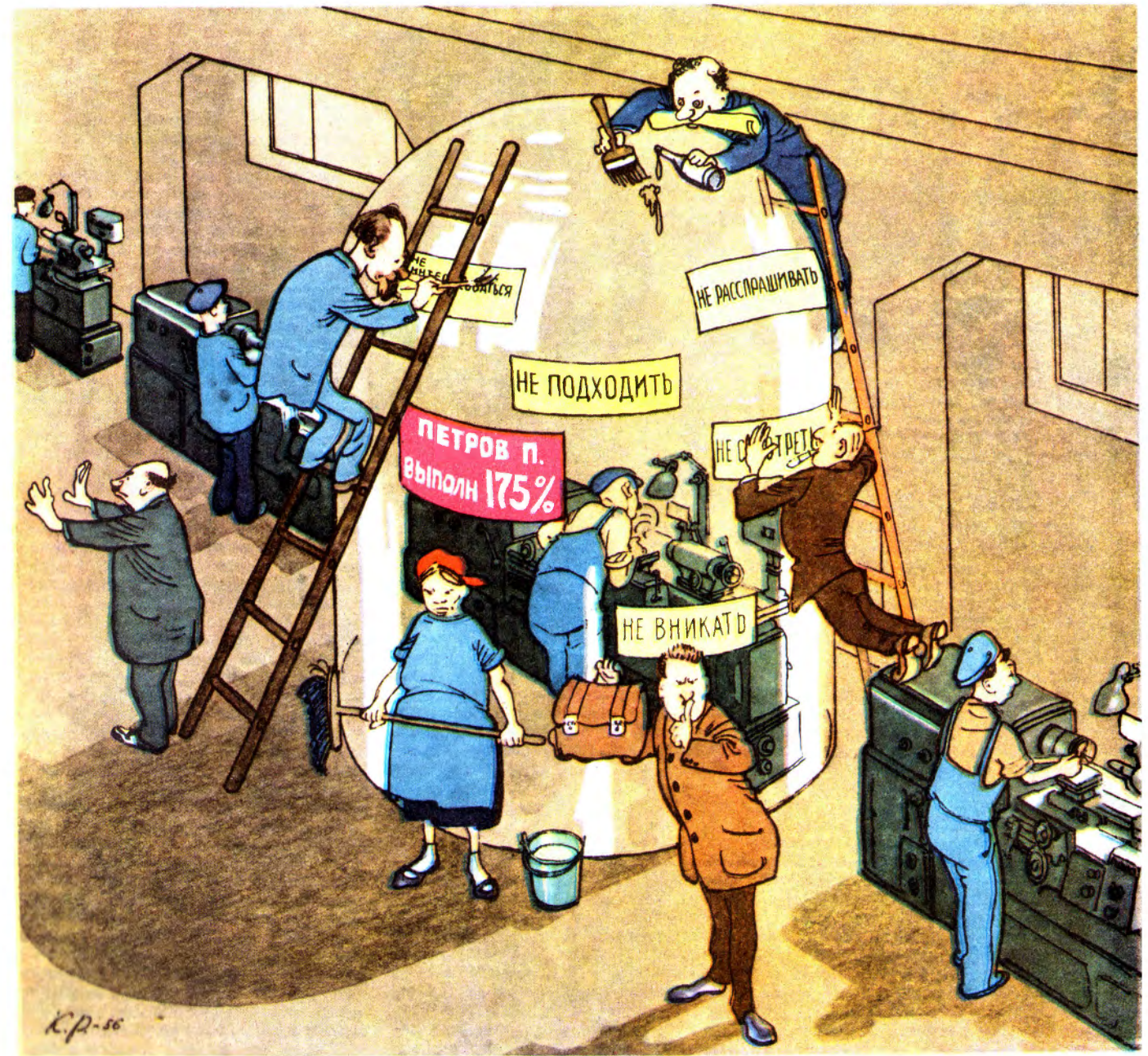
лем, отлично понимавшим все изобретательные детали артистичного рисунка. Исследуя творчество мастера, всегда ищут, откуда идут его корни, чьи традиции он наследует, на кого похож. Ротов очень самобытен, имеет свое глубоко индивидуальное творческое лицо. На выставке не надо подходить к этикетке, чтобы посмотреть фамилию художника. И так сразу видно, что рисовал Константин Ротов.

Как немногие другие, Ротов владел умением разговаривать с народом своим искусством, будучи по-настоящему доходчивым, понятным и доступным для понимания. И именно в этом кроется «секрет» необычайной популярности его творчества. Интересный случай произошел с Константином Павловичем во время заграничного похода кораблей Черноморского военного флота, когда он вместе с Борисом Ефимовым, Ильей Ильфом и Евгением Петровым оказался в Стамбуле. Им захотелось взглянуть на местную достопримечательность — подземное озеро, но никак не удавалось узнать у местных жителей, где оно находится. Они не понимали, что интересует гостей. Тогда Ротов быстро изобразил в блокноте озеро, которого никогда в жизни не видел. И этого оказалось достаточно, чтобы первый же встречный показал им дорогу.

Ротова признают и любят все — от старого до малого, от академика до пастуха, от профессора до слесаря. И можно без всякого преувеличения сказать именно о таком рисовальщике, как Ротов: это подлинно народный художник.

В редакции «Крокодила» в первые годы существования журнала был заведен толстенный альбом в парусиновом переплете. В этом альбоме каждый из входящих в редакцию литераторов и художников оставлял свои записи и рисунки. Регулярно резвились на его страницах поэты, прозаики и, конечно, художники.

Как рисунки, так и текст были посвящены главным образом темам внутренней крокодильской жизни. Некоторые страницы были заняты словесными и графическими дуэлями между разными авторами. Один напишет, другой ему тут же возразит. На рисунок художники отвечали рисунком...

НОВАТОР ПЕТРОВ И ЕГО ОПЕКУНЫ

1956

ЛЖЕУДАРНИК НА СТРОЙКЕ

1932

Немало блесков подлинного юмора и остроумия было разбросано на листах этого знаменитого альбома, но и здесь бесспорное первенство принадлежало рисункам Кости Ротова.

Высоко ценил ротовский талант Алексей Максимович Горький. Хотелось привести его высказывания о творчестве Константина Павловича во время беседы Алексея Максимовича с редактором «Крокодила» М. З. Мануильским в 1932 году, на которой мне довелось присутствовать. Речь шла о знаменитых крокодилских «вилах в бок». Горький считал, что самое лучшее в журнале — это фактический материал. «Вот только не нравится мне, — говорил Алексей Максимович, — когда вы в своих репликах к «вилам в бок» начинаете упрекать прокурором, милицией. Это — свидетельство вашей литературной слабости, неумения остроумно подать материал. Пригрозить судом может домашняя хозяйка своей соседке на кухне... Кстати, насчет коммунальной кухни — не могу забыть поистине замечательного рисунка в вашем «Крокодиле» под названием «На коммунальной кухне». Удивительный талант еще ваш Ротов. Какой типаж, сколько остроумия, издевки над этими страшными обывателями. Чертовски здорово! По-моему, видел этот рисунок года два-три назад, а до сих пор помню... Да, художники у вас вообще за-

мечательные. А как им у вас работаете? Не обижаете?.. Глубоко неправильно, что к карикатуристам часто относятся несправедливо, в том числе даже их собратья-художники считают сатирический рисунок искусством второго сорта. Ну не чепуха ли? Ведь если подумать серьезно, то наши художники-сатирики, такие, как Кукрыниксы и другие ваши художники, всегда находятся на самых передовых позициях. Все их творчество остроумно, личностно, проникнуто духом современности. Их рисунки — самое сильное, что есть в вашем журнале!»²

Несмотря на то, что жизнь этого замечательного мастера безвременно оборвалась и он мог бы еще много лет радовать народ своим солнечным искусством, он успел сделать очень много — тысячи и тысячи талантливых рисунков.

Уже в первые годы своей работы в сатирических журналах Константин Павлович порадовал читателей такими шедеврами творчества, как «Маленькие разногласия на общей кухне по поводу исчезновения одной иглой для прочистки примуса» (1927), «Во тьме времен» (канцелярия эпохи каменного века) (1927), «Во время футбольного матча» (1928).

² Журнал «Москва» № 5, 1963 г., стр. 194—195.

Эти и другие массовые композиции сразу создали ему огромную популярность. И это вполне понятно, поскольку в них сочетались неподдельный природный юмор и поражающая изобретательность в придумывании смешных деталей. С особой силой все эти качества проявились в рисунке «Маленькие разногласия на общей квартире», который по своей популярности стоит на одном из первых мест в истории нашей карикатуры.

Здесь щедрый юмор несет в себе одновременно элементы беспощадной сатиры и по своей действенности веселые и беззлобные рисунки Ротова могут поспорить с листами других больших мастеров. Так что часто легкий пулемет смеха оказывается даже разительнее тяжелого орудия сатиры!

«Происшествие на кухне» не просто сатирическая сцена, запечатленная талантливим пером, а своего рода последовательный рассказ о том, как мирное замечание одной соседки по поводу таинственного исчезновения примусной иглой постепенно разгорелось в форменную баталию с применением разнокалиберной техники.

Пересказать словами эту изобразительную новеллу невозможно. Ее надо долго и тщательно рассматривать, находя все новые и новые детали. Но самое главное, что, неся в себе заряд так называемого чистого юмора, он вместе с тем заставляет зрителя задуматься над целым рядом отвратительных явлений, которые таит в себе обывательщина: завистью, склопничеством, двуличием и самой неприкрытой мешанской злобой. Обличая с удивительной силой все эти уродства, ротовский юмор бьет по ним действительно и непримиримо.

В свое время у молодого Ротова были сильные, талантливые соратники по массовым сатирическим композициям — такие уже ушедшие от нас рисовальщики, как Борис Антоновский, Николай Радлов, Бронислав Малаховский.

В наши дни эстафету массового рисунка с большим успехом несет такой великолепный рисовальщик, как Иван Максимович Семенов, обладающий чисто ротовским умением видеть смешное и показать его читателям. Запоминают-

ся также многофигурные рисунки Евгения Щеглова, Юрия Федорова, Евгения Ведерникова, Анатолия Цветкова, Юрия Узбякова, Германа Огородникова, Евгения Мигунова и других наших советских карикатуристов.

От так называемого чистого юмора, который являлся стихией Ротова, он нередко обращался к работам и более серьезного плана. Таков, например, его отличный ранний рисунок 1925 года «Трудный путь». Рабочий с получкой боязливо пробирается по улице, а огненные раки, выглядывающие из пивных, стараются его туда затащить. Сделанный всего в два цвета (черный и красный), рисунок очень эмоционален и убедителен. Мрачный черный фон создает почти трагическое ощущение, а розовые отблески света в окнах пивных как бы выражают силу соблазна, испытываемого рабочим паренком, в котором желание принести домой получку нетронутой борется с искушением завернуть «на огонек». Багровые блики рачьих клешней придают композиции особую выразительность. Таков широчайший диапазон его творчества от мягкой улыбки до трагедийного звучания.

Мне кажется, что у Ротова есть что-то общее с искусством Игоря Ильинского. Вспомним брызжущую стихийным юмором роль Аркашки в «Лесе» Островского и наряду с этим шедевром комедийного мастерства остро трагедийную, потрясающую зрительный зал фигуру правдолюбца Акима в толстовской «Власти тьмы».

Для творчества Ротова, как и Ильинского, характерна любовь к людям. Оба они влюблены в здоровый, жизнерадостный юмор, у обоих творчество согрето неподдельным теплом, проникновенным чувством добра, оптимизмом. Каждая новая роль Ильинского обязательно открытие. Точно так же, как открытием оказывался каждый рисунок Ротова. Таково свойство настоящего таланта!

А ведь часто, глядя на рисунки некоторых художников, испытываешь такое чувство, точно ты уже его где-то видел. В худшем случае это плагиат, в лучшем — перепев самого себя. Унылое ремесленничество, подменяющее насто-

ящее творчество... И тогда начинаешь еще больше ценить подлинный талант, сверкающий на фоне серости и обыденщины.

СИМУЛЯНТ

— Нельзя ли мне, доктор, путевку в санаторию? Я болею за социалистическое строительство!

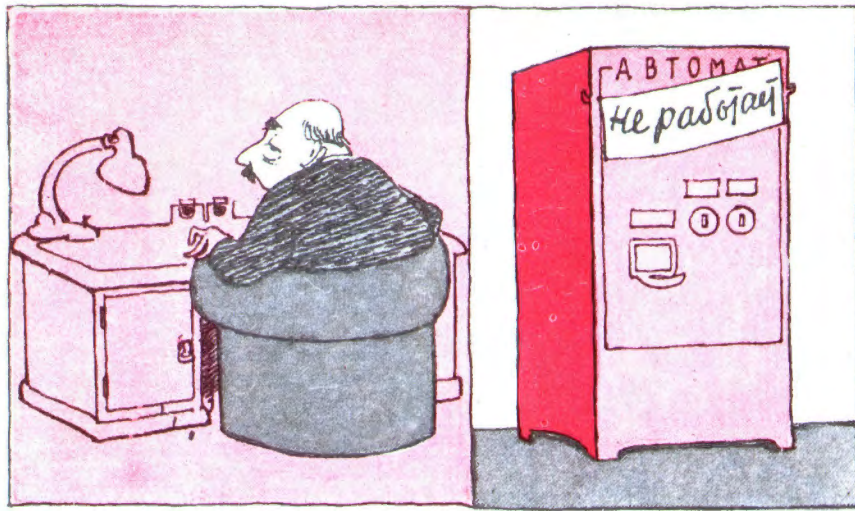
Особую популярность завоевали такие карикатуры Ротова, как «Лжеударник на стройке» (1932) и «Один с сошкой, тридцать с ложкой» (1956), обошедшие всю фабрично-заводскую и колхозную печать и сыгравшие значительную роль в борьбе с лодырями за повышение производительности труда. Последний рисунок был даже упомянут с высокой трибуны партийного съезда.

Не имеет себе равного Ротов в области так называемой положительной карикатуры. Обычно художник-сатирик борется своим пером со всем отжившим, негодным, что путается еще в ногах, мешая победоносному поступательному движению нашей страны. Но вместе с тем он с радостью фиксирует в своем творчестве черты и приметы нового, приходящего на смену старому, отжившему.

Константин Ротов умел это делать весело и непринужденно. Возьмем хотя бы известный его рисунок «Караван в пустыне» (1956). В песках Каракумов шествует караван. Впереди, как полагается, туркмен верхом на верблюде, а за ним движется огромная вереница... шагающих экскаваторов, умело управляемых теми же туркменами, которых советская власть вооружила новейшей техникой. Новое сменяет старое! Жизнь идет вперед.

Или веселый рисунок Ротова «18 августа в районе Тушино». Автор изобразил няню, с изумлением наблюдающую непобедимую звездную армаду новейшей авиационной техники, заполнившую в день воздушного парада все бескрайнее голубое небо. «Силы небесные!» — восклицает потрясенная старушка.

И рядом с ним — злой рисунок о подхалиме, попавшем под машину своего начальника. Полураздавленный, он находит в себе силы, чтобы приподняться и даже изобразить на лице нечто напоминающее улыбку: «Как я счастлив встретиться с вами в личной жизни...» — угодливо лепечет он. Или другой, также хорошо запомнившийся — «Человек, работающий «с огоньком» (1927). Подхалим, дающий прикурить начальнику, в не знающем границ усердии так услужливо изогнулся, что туловище его образовало два полных витка.

Иван Петрович работает, как автомат.

1939

А меткий и ядовитый рисунок «Оборонный секрет» (1937), направленный против болтунов и разгласителей государственных тайн! Эта карикатура отличается экспрессией и легкостью, необычайной даже для Ротова, и сделана в непринужденной эскизной манере. На заднем плане ужинает компания, а на переднем сидит в глубоком кресле глухой старичок. И вот некий неисправимый болтун изо всех сил орет ему на ухо через слуховую трубку: «Дедушка, я вам сейчас что-то расскажу, но только, умоляю вас, никому не передавайте!» А все сидящие за столом, перестав жевать, прислушиваются к этому «секретному» разговору...

Ротовская выдумка и фантазия проявлялись во всем: в темах, разнообразии типажа, остроумии деталей, оригинальности композиции.

В одном из рисунков, посвященных цирку, он достигает удивительного эффекта именно композиционным мастерством. Две трети рисунка покрыты сплошной черной заливкой. И только взглядевшись, замечаешь силуэты двух находящихся на первом плане огромных человеческих голов. Это разговаривающие между собой зрители, сидящие на галерке цирка. Черная заливка переходит в темно-синюю, на фоне которой изображены ряды зрительного зала, сплошь заполненные публикой. В центре рисунка белый фон, создающий впечатление яркого луча прожек-

тора. Он освещает едущего по манежу велосипедиста, который умудряется двигаться без переднего колеса и без спиц в заднем ободе. «А ты говорил, — гласит подпись под рисунком, — что на пензенском велосипеде нельзя ездить. Смотри, как приспособился!..»

В другом рисунке, посвященном автобусному транспорту, Ротов придумал забавнейший «образец» специального экскурсионного автобуса, приспособленного для движения по горным южным дорогам благодаря своей гибкой конструкции в виде извивающейся змеи, повторяющей все повороты петляющего горного шоссе.

Среди некоторых молодых художников стали модными разговоры о том, что реалистическое искусство сатиры будто бы устарело, что смотреть на такие работы скучно. Творчество Константина Ротова блестяще опровергает эту «модную» точку зрения. Все его работы питались непосредственными жизненными впечатлениями, ему было глубоко чуждо бездумное трюкачество, модное искажение формы. И наряду с этим в его рисунках вы найдете и необычайную выдумку, и смелость композиции, и оригинальность ракурсов, и поражающий полет фантазии. То есть все те качества, которые свойственны настоящему, полноценному реалистическому искусству.

Ротову настолько чужды были формалистические вихляния, что из-за от-

рицательного отношения к ним он... не получил специального художественного образования. В своей автобиографии Константин Павлович пишет: «В 1921 году Ростовским Политпросветом я был командирован на учебу в Петроградскую академию, где был принят на графический факультет, но не учился, так как в ту пору среди преподавателей академии преобладали непонятные и чуждые мне формалистические направления...»

Хочется вспомнить и другие ротовские работы. Вот его кусковой рисунок из «Крокодила» за 1934 год. Бюрократ читает какую-то бумагу, затем снимает голову, которая оказывается круглой печатью, и своей же рукой ставит собственную голову-печать на бумагу, которую только что читал... Блистательно!

А как не упомянуть знаменитый его ранний рисунок 1927 года. «Сильное впечатление от живой лошади» — отклик на бурный рост автотранспорта в столице. Обычно художники изображали напуганную автомобилем лошадь, становящуюся на дыбы. У Ротова обрывается обратная «современная» ситуация: лошадь спокойно шествует, ведомая под уздцы, а взбесились автомашины и автобусы, смертельно испуганные никогда не виданной ими живой лошастью.

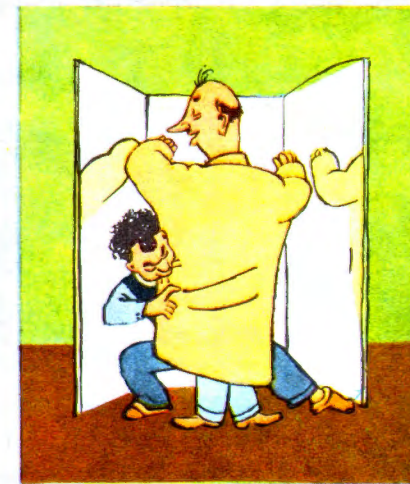
Ротову вообще необычайно удавались рисунки пародийные, переосмысленные. Таково его юмористическое прочтение картины Н. Касаткина «Не пуцуй!». Женщина с ребенком на руках преграждает мужу, одержимому радиоэнтузиасту, вход в магазин культтоваров, куда он направляется за очередной моделью радиоприемника.

Нужно сказать, что в этом рисунке много автобиографического. Ротов сам был «запойным» радиолителем. Впрочем, он с таким же увлечением занимался фотографией, потом одним из первых купил появившуюся узкоплечную кинокамеру, снимал без конца целые фильмы...

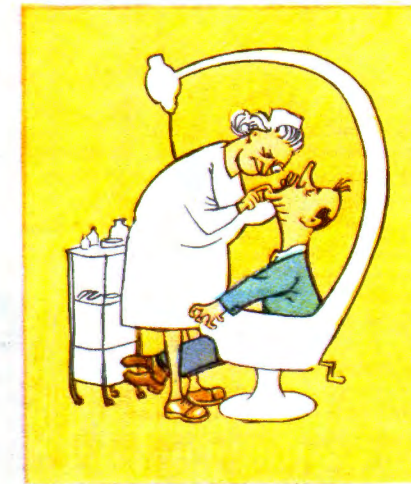
Особо следует упомянуть серию ротовских рисунков «Старое и новое», среди них «безработная» пожарная каланча, которая не может выполнять своих функций потому, что... застроена со всех сторон высоченными новыми зданиями.

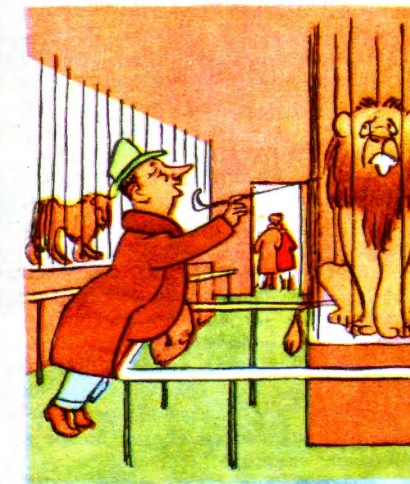
Придя на службу ровно в девять (Дела служебные нет числа, И время дорого везде ведь!), Он стал «провертывать» дела.

Его на месте при проверке Не оказалось, но зато Он точно в срок поспел к примерке Демисезонного пальто.

Дела торопят — шаг ускорен! Зашел к «зубному». Почему б Не дать врачу (пусть смотрит в корень!) Определить, здоров ли зуб!

Зверей проведая «для порядка», Он не бездельничал и тут: Он льва до нервного припадка Довел за несколько минут.

Мы правды фактов не нарушим: «Зоологический» сей пыл Он охладил прохладным душем И тело ванной освежил.

Вот, наконец, он снова в тресте... Он, презиравший в людях лень, К концу занятий был на месте, Чтоб завершить рабочий день!

Эмиль КРОТКИЙ

Хочется напомнить и рисунок, посвященный запуску в космос первого искусственного спутника Земли. Смело и величественно обгоняет он в полете волшебного гоголевского черта на метле, ковер-самолет и другие яркие порождения народной фантазии. В сложнейших массовых композициях, включающих сотни людей, Ротов умудрялся не повторить дважды ни одно лицо. Впрочем, однажды он применил обратный прием: нарисовал рисунок с большим количеством персонажей, как две капли воды похожих друг на друга. Это были сотни изображений одного и того же человека — друга Ротова и нашего общего большого друга, поэта и популярного сотрудника почти всех сатирических журналов, симпатичнейшего Михаила Яковлевича Пустынина.

Константин Павлович не раз проявлял это беззлбное творческое озорство. Как-то ему был заказан для очередного номера «Крокодила» рисунок, смысл которого заключался в том, что в бане зимой неожиданно прекратили подачу воды и целая толпа намыленных, полуодетых людей выбегает на улицу. И вот некоторые фигуры этой многолюдной композиции оказались нарисованы Ротовым с портретным сходством... Костя изобразил среди посетителей бани всех основных работников редакции «Крокодила» во главе с редактором журнала Михаилом Захарьевичем Мануильским.

Никто в редакции как-то не обратил на это внимания, рисунок был сдан в производство, и номер вышел в свет. Боже, какой поднялся переполох, когда в сигнальном экземпляре мы обнаружили ротовскую шалость.

Михаил Захарьевич Мануильский по началу рассвирепел, метался по кабинету и кричал, что нужно перепечатать номер. Но быстро успокоился и уже через пять минут весело хохотал вместе со всеми нами, узнавая в рисунке отдельных крокодилцев. Уж больно любил смех и ценил все по-настоящему веселое и смешное этот один из лучших редакторов «Крокодила».

И когда через полчаса на пороге появился срочно вызванный Константин Павлович, он был встречен... дружным смехом присутствующих.

— А знаете, Михаил Захарьевич,—

КАПИТАН: — Отдай якорь!
МАТРОС: — Кому?

1936

признался Ротов,— ведь я «рецидивист». Еще в 1925 году пришло мне в голову сделать нечто подобное, и в нашем же «Крокодиле». Когда мне был заказан рисунок на тему из редакционной жизни, я изобразил одного из первых наших редакторов, Николая Ивановича Смирнова, и самого себя, стоящего с оригиналом перед его письменным столом.

— Значит, я уже не первая ваша жертва? — улыбаясь, заметил Мануильский.

Костя Ротов обожал всяческие товарищеские шутки и «розыгрыши», был большим мастером подобных дел.

В редакции это было принято. Крокодилы любили пошутить, неизбежно, по-товарищески разыграть друг друга. Вспоминаю, как по инициативе Ротова мы пошутили над Ильфом и Петровым.

Дело было летом на Клязьме, где на большой даче, принадлежавшей Жургазобъединению, жили И. Ильф, Е. Петров, К. Ротов и писатель Б. Левин. Костя Ротов, как известно, был страстным радиолобителем. Как только выходил приемник новой марки, он терял к предыдущему всякий интерес и выставлял его в переднюю, где по бокам

дверей уже стояли два штабеля радиоприемников, точно две диковинных колонны. Однажды Ротов приобрел очередной, только что выпущенный радиоприемник с микрофоном, присоединенным к аппарату. С его помощью можно было передавать любой дикторский текст.

И вот у Кости появилась озорная идея — разыграть Ильфа и Петрова. Мы знали, что они садились завтракать ровно в одиннадцать часов. Как раз над столом на террасе висел громкоговоритель, к которому Ротов незаметно прикрепил длинный провод, идущий в его комнату и соединенный с новым аппаратом.

В обычный час Илья Ильф и Евгений Петров усаживаются за накрытый стол. Евгений Петрович очень любил хорошую сервировку, а Илья Арнольдович был ко всему этому «глубоко равнодушен».

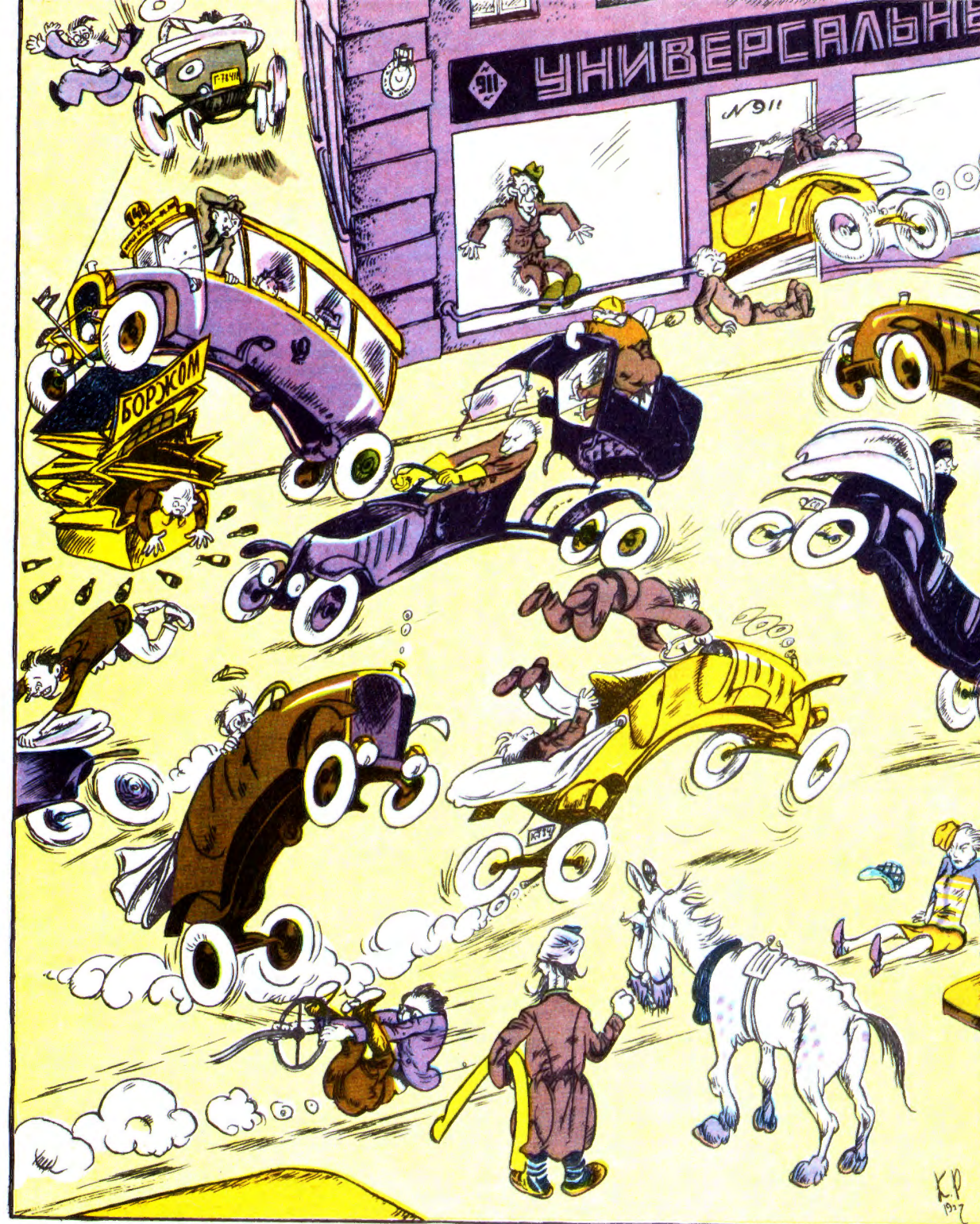
Мы устроили свой наблюдательный пункт за углом террасы, откуда нам отлично было видно выражение лиц наших друзей. В комнате Ротова, находившейся далеко от веранды, сидел у микрофона обученный нами парень, который должен был ровно в одиннадцать часов начать читать заранее нами написанный текст.

— Алло, алло, говорит Москва! — раздалось из репродукторов. — Одиннадцать часов... Начинаем литературную передачу, посвященную творчеству наших известных писателей-сатириков Ильи Арнольдовича Ильфа и Евгения Петровича Петрова, которые находятся в расцвете своего таланта...

Евгений Петрович весь обратился в слух, кладя на колени белоснежную салфетку, и с довольно улыбкой посмотрел на своего всегда более сдержанного соавтора.

Первая половина передачи была сплошным панегириком. Ильф и Петров завтракали с особым аппетитом, внимая многочисленным комплиментам по своему адресу, на которые мы не поскупились, сочиняя текст передачи.

Однако постепенно похвалы и одобрительные оценки сменялись довольно кислыми критическими замечаниями, и, наконец, из репродуктора разразился целый дождь строгих и возмущенных претензий:

ЧЕРЕЗ ДВА ГОДА НА УЛИЦАХ
МОСКВЫ

СИЛЬНОЕ ВПЕЧАТЛЕНИЕ ОТ ЖИВОЙ
ЛОШАДИ

— Да, конечно, Ильф и Петров люди талантливые, но обидно и больно смотреть, на что они растрчивают свои большие способности. Шутка сказать, они воспевают одесского пошляка Остапа Бендера, с явной и весьма странной симпатией прославляют этого махрового блатмейстера. Сами того не замечая, советские писатели сползают на обывательские позиции, становясь апологетами мещанства!..

Илья Ильф продолжал невозмутимо дожидаться яичницу с ветчиной, но экспансивный Евгений Петрович швырнул в сторону нож и вилку и весь кипел от возмущения. Услышав последнюю фразу, он не выдержал, вскочил, комкая ни в чем не повинную салфетку, и завопил:

— Черт знает что такое! Безобразия! Невозможно слушать! Я так этого не оставлю! Абсолютно искажают смысл нашей вещи! Немедленно едем в Москву жаловаться!..

В этот момент с грохотом, воем и писком мы выскочили из засады. Хохотали, помню, долго и мы и разыгранные «братья Гонкуры»...

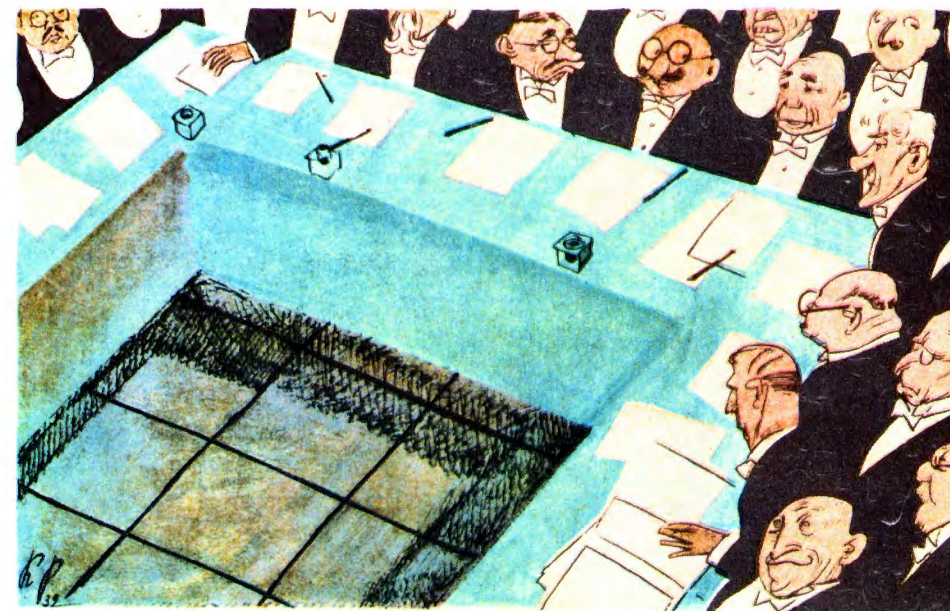
С И. Ильфом и Е. Петровым Ротов был связан многолетней творческой дружбой. Он был первым иллюстратором «Двенадцати стульев» и «Золотого тельца». Вспоминаю, кстати, азартную игру на волейбольной площадке в Клязьме, в которой активное участие принимали И. Ильф и Е. Петров, «троица» Кукрыниксов, К. Ротов, писатель Борис Левин и многие другие. Проигравшие должны были на четвереньках пройтись вокруг площадки, громко повторяя одну и ту же фразу: «Я не умею играть в волейбол, научите меня, дурака, играть в волейбол!»

Интересно было наблюдать, как велелся Константин Павлович, глядя на друзей, неуклюже ползавших после проигрыша вокруг площадки. А смеялся он удивительно заразительно, по-детски, растягивая рот до самых ушей. Смеемся все его существо...

Ротов необычайно любил путешествия, всевозможные экскурсии и поездки. Вот почему Константин Павлович с таким энтузиазмом воспринял идею о постройке самолета «Крокодил», на борту которого сотрудники редакции должны были совершать поездки в самые отдаленные уголки страны.

ДЖЕНТЛЬМЕНСКОЕ СОГЛАШЕНИЕ

НОЧНОЙ ГРАБЕЖ

ПОПРАВКА. К сожалению, по недосмотру редакции подписи перепутаны: конечно, под первым рисунком следует читать «Ночной грабёж», а под вторым — «Джентльменское соглашение».

Ему, кстати, редакция поручила подготовить эскиз внешнего оформления самолета «Крокодил», который был с восторгом встречен в редакции и тут же передан в авиационное конструкторское бюро. Это был вопреки Бремю самый настоящий летающий крокодил. Правда, встретилось серьезное техническое затруднение: пасть крокодила и в особенности его зубы создавали нежелательные завихрения воздуха, так что авиаконструкторы и инженеры, которым самим очень понравился ротовский летающий крокодил, потратили немало усилий, чтобы преодолеть эти сложности. Большую помощь оказывал нам в то время начальник агитэскадрильи имени Максима Горького Михаил Ефимович Кольцов.

А когда самолет «Крокодил», вклю-

ченный в состав агитэскадрильи, впервые поднялся в воздух, на его борту, конечно, оказался и автор его художественного оформления Костя Ротов. Вместе с ним в первом рейсе самолета «Крокодил» по маршруту Москва—Харьков—Днепропетровск, кроме литераторов, принимали участие художники Ю. А. Ганф и Я. М. Бельский. Во время этого полета был собран материал для выпуска специального харьковского номера «Крокодила».

Большое впечатление на крокодилцев, и в том числе на Ротова, произвел народный праздник урожая в Днепропетровске. В этот день повсюду: в кафе, столовых, ресторанах — пекли дымящиеся, ароматные блины. Прямо на улицах были расставлены длинные столы, покрытые белыми ска-

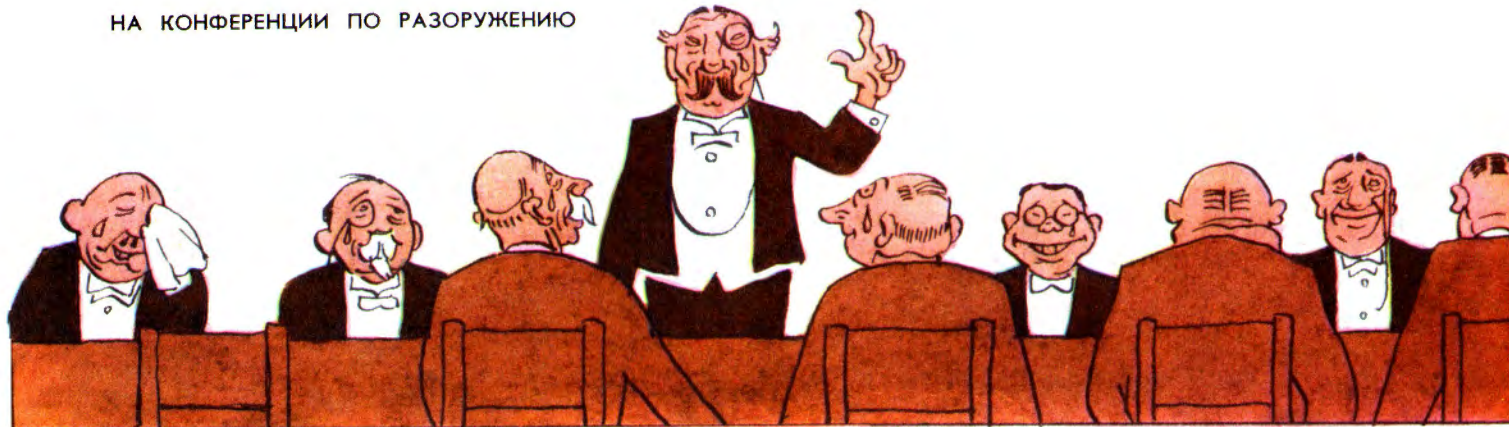
тертями, и народ угощали до отвала отличными блинами с пылу и жару, политыми сметаной и растопленным маслом.

Впечатления свои Ротов выразил в большом рисунке, помещенном в харьковском номере «Крокодила».

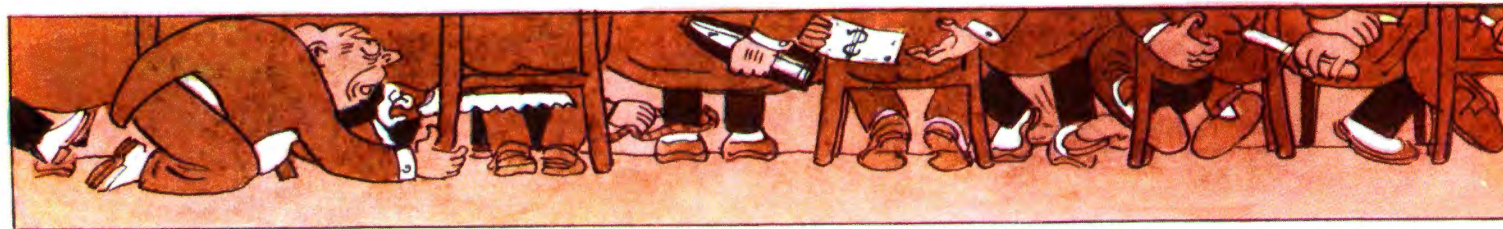
Вскоре Константин Павлович принял активное участие и в другом интересном агитационном начинании «Крокодила». Организована была выездная редакция, работавшая в специально оборудованном железнодорожном вагоне, в котором помещалась и типография, выпускавшая печатную крокодилскую многотиражку и сатирические окна, критиковавшие разные отрицательные явления в жизни сортировочных станций, депо, линейных участков.

Влюбленность в жизнь, жажда уви-

НА КОНФЕРЕНЦИИ ПО РАЗОРУЖЕНИЮ

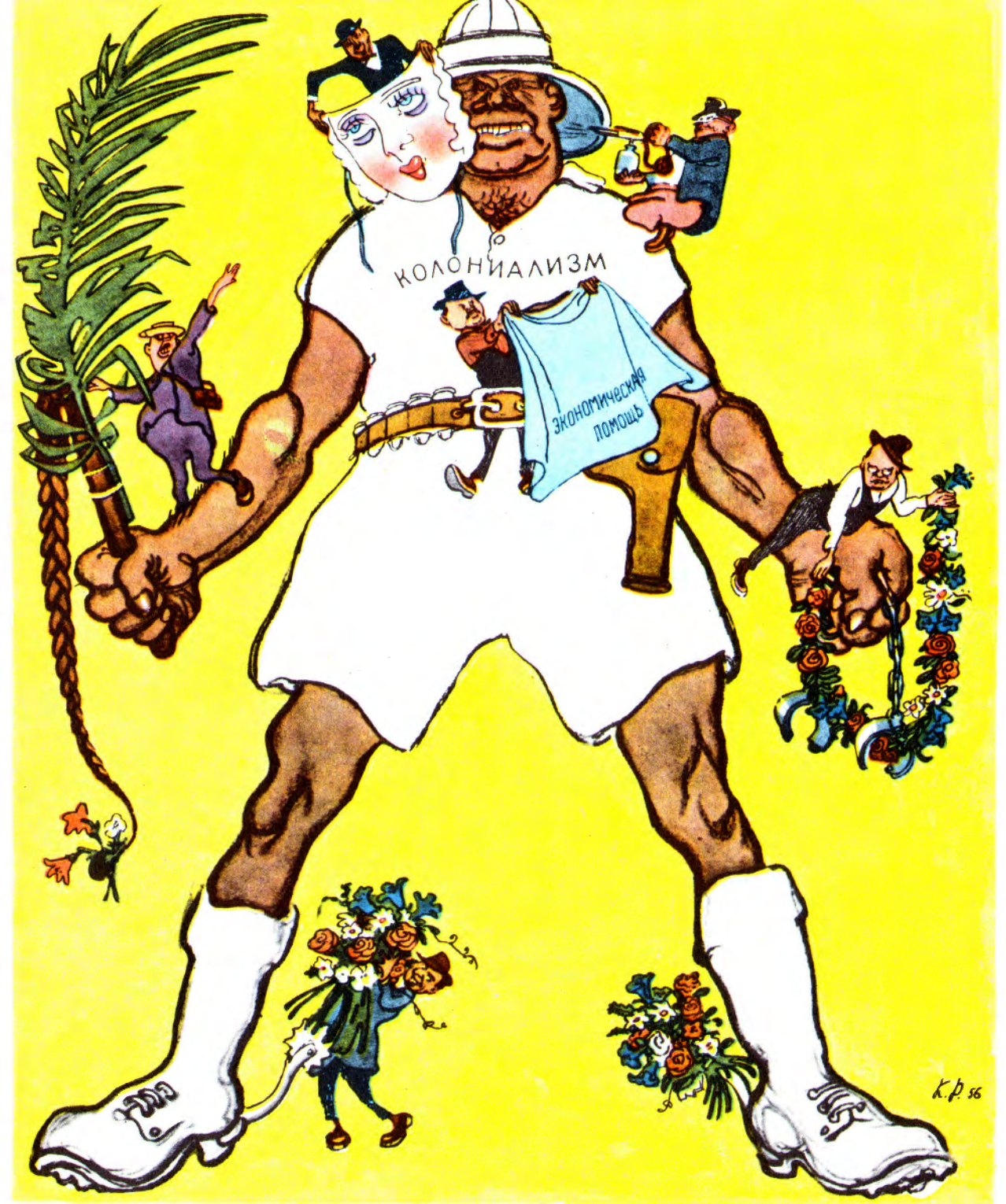

Они сидят вместе, как друзья...

...и так любят друг друга...

1932

МАСКИРУЮТ...

1956

ПРИМЕРНАЯ ЖЕНА

— Тс-ссс. Тише! Моя жена на коленях умоляет не сокращать меня!

1927

деть своими глазами все новое влекли художника в разные края нашей необъятной страны. Ротов стал непременным участником всех редакционных выездов на фабрики, заводы и предприятия транспорта.

Так, например, управление Днепро-Днепростроя просило редакцию «Крокодила» прислать творческую бригаду для налаживания агитационной работы на строительстве. Первым, как всегда, откликнулся Костя Ротов.

Наше трехнедельное пребывание на этом гигантском строительстве вспоминается до сих пор.

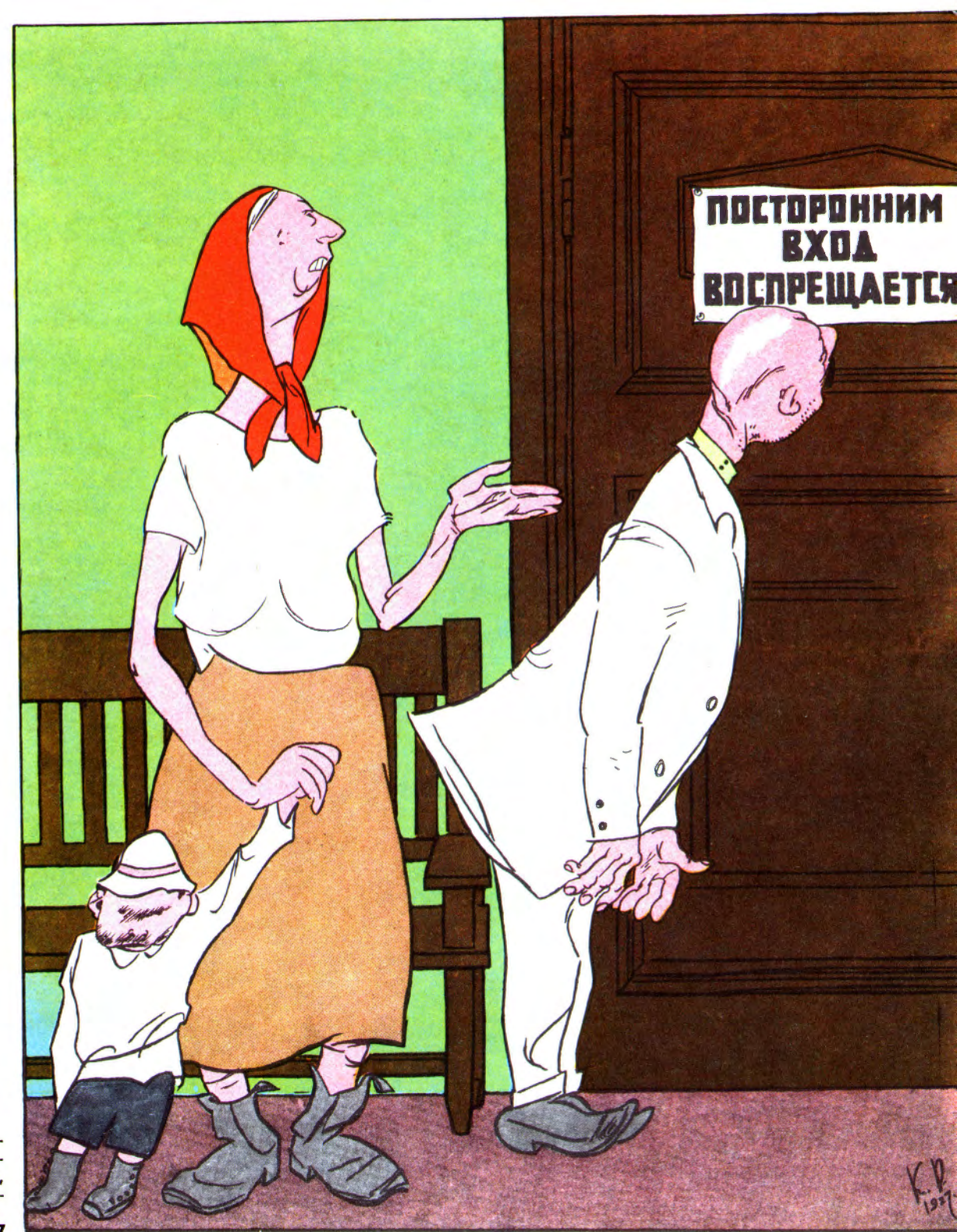
— Много пришлось поколесить по новостройкам, — говорил впоследствии Константин Павлович, — но ни одна поездка не оставила такого впечатления. Нигде еще, пожалуй, так энтузиастно и ярко не проявлялся энтузиазм строителей. Работалось весело, легко, несмотря на то, что мы спали по 4—5 часов в сутки...

По заданию штаба по руководству соревнованием Константин Павлович делал эскизы больших сатирических плакатов, предназначенных для отстающих участков строительства. Крокодилский плакат висел до тех пор, пока положение на этом участке не исправлялось. Это был своеобразный крокодилский «контроль»...

Любопытен и такой факт из жизни Константина Павловича. Управление Московского трамвая решило обновить внешность вагонов, ставших чересчур старомодными и громоздкими. Эскиз нового вида трамвайного вагона просили сделать Константина Павловича, который вместе с заместителем редактора «Крокодила» художником Я. М. Бельским вел агитационную работу в трамвайных парках, выпуская там сатирические плакаты, листовки, давая веселые и острые рисунки для местных многотиражек.

Поздно вечером, когда они заканчивали работу в Щепетильниковском парке, из его ворот выходил на линию одинокий вагон с надписью «Служебный». Это благодарные трамвайщики развозили по домам засидевших у них крокодилцев.

Ротов представил несколько цветных эскизов нового внешнего оформления трамвайного вагона. Один из них очень

НИ ХОДА, НИ ВХОДА

— До чего же кумовство доходит! Посторонних не токмо на службу, даже в двери не пускают!

1927

ЗАБОТА О СЫНЕ

— Удивительно! Сын у меня такой способный мальчишка, а уроки готовит почему-то плохо...

1936

батые крокодилы стояли на всех перекрестках. Они протягивали публике плакаты, зазывая посетить и осмотреть сатирический музей:

«Адрес прост — весь Кузнецкий мост. Вход бесплатный — туда и обратно!» Я слышал, как смеялась и прохотала публика. Я слышал веселые восклицания у каждой витрины. Вот маски из папье-маше. Полюбуйтесь: тут двурушник, тут оппортунист, тут лодырь. Хотите познакомиться с лжеударником? Посмотрите, как он таскает железную балку. В то время как другие несут, он делает вид, что ему тяжелее всех, он шумит, у него залихватское лицо... а между тем ноги его повисли в воздухе...³

Все москвичи помнят, каким общественным вниманием было окружено строительство нового моста через Москва-реку в Лужниках. Там тоже работала бригада «Крокодила» и, конечно, с непрерывным участием Ротова. После завершения работ он в числе прочих крокодилцев был приглашен на открытие этого замечательного сооружения. Как назло Константин Павлович хворал гриппом, но такое событие в жизни столицы не могло обойтись без его участия. И, напичкавшись всеми существующими кальцексами и аспиринами, Костя принял все-таки участие в этом торжестве.

Заметное место в творчестве К. П. Ротова занимала газетная карикатура, в основном на международную тематику. Через день, в очередь с Юлием Абрамовичем Ганфом, начали они в 1928 году работать в «Правде». Приезжали в редакцию часа в три дня. Их дожидался Михаил Косовский — старый, опытный журналист, специализировавшийся на придумывании тем для газетных карикатур и журнальных сатирических рисунков.

У него уже было наготове несколько вариантов тем. Выбирали наиболее острые. Художники тут же делали карандашные наброски и отправлялись к редактору на утверждение. Случалось, что все варианты безжалостно браковались, и тогда Косовский с трагическим выражением лица, так не гармонировавшим с добродушием этого весе-

³ Это описание широко известного рисунка К. П. Ротова «Лжеударник на стройке» (1932 г.).

лого толстяка, садился снова за придумывание сатирических козней против Брианов и Чемберленов...

Наиболее удачными газетными рисунками Ротова оказались те, где удавалось играть на веселых и смешных деталях, в придумывании которых он держал постоянное и бесспорное первенство.

Вот почему он любил переводить свои рисунки на международные темы в бытовой план. Вспоминается как пример его карикатура в «Крокодиле» «В европейском общежитии» (1929). Ротов изобразил длинный коридор общежития, в котором жильцы каждой комнаты олицетворяли одно из европейских государств. Все «соседи» ядовито шипели на единственно мирного жильца (СССР).

Следует еще отметить, что Ротов и Ганф в период своей многолетней работы в «Правде», кроме регулярно появлявшихся рисунков на первой полосе (в правом верхнем углу), еще много рисовали в «Листках Рабрина», печатавшихся в газете еженедельно.

Часов в девять вечера оригинал рисунка сдавался в цинкографию, а Ротова уже ждали в «Комсомольской правде», Ганф же в этот день ездил еще рисовать в «Гудок». На следующий день Ганф работал в «Комсомолке», а Ротов в «Гудке».

В 1932 году, когда редактором чрезвычайно популярной в свое время массовой «Рабочей газеты» был Феликс Яковлевич Кон — большой знаток и любитель карикатуры, сатирические рисунки на первой полосе появлялись ежедневно. Их тоже в очередь давали Ротов и Ганф на мои темы. Как-то вызвал нас Феликс Яковлевич и высказал такое пожелание: в течение двух месяцев давать политическую карикатуру ежедневно, не пропустив ни одного номера газеты. Если нам это удастся, редактор обещал специальную премию.

Нас, конечно, привлекла не столько премия, сколько необычность самого предложения, свидетельствующего о большом внимании к карикатуре. Мы обещали Феликсу Яковлевичу постараться и, нужно сказать, не осрамились. Бывали весьма критические дни, когда Кон безжалостно браковал все предложения, и наше обязательство висело

ПЛАНОВОЕ ДОМОХОЗЯЙСТВО

— Вы знаете, я с каждым годом бью свою жену все меньше и меньше, с таким расчетом, чтобы к концу пятилетки она полностью раскрепостилась.

1931

ПО-ЛЮДСКИ
— Интересно, как звери к самокритике относятся?
— Так же, как люди: львы рычат, мелкота пищит...

1927

уже на волоске. Но в последний момент выплывал спасительный вариант и в лихорадочной спешке доделывалась очередная сатирическая «мина» против злобных врагов Советов. А утром рисунок как ни в чем не бывало красовался на своем месте — в правом верхнем углу первой полосы.

Двухмесячное испытание было художниками выдержано, и Феликс Яковлевич Кон оказался хозяином своего слова, наградив их ценными подарками.

Говоря о работе К. П. Ротова в газете, нельзя не заметить, что если в области юмористического рисунка он не имел себе равных, то в его политической карикатуре следует отметить некоторые недостатки. Ротов иногда переносил в газетную карикатуру излишнюю детализацию, вполне уместную и нужную в журнальном рисунке, в результате чего терялся выразительный лаконизм, столь свойственный таким мастерам газетного рисунка, как Виктор Дени, Борис Ефимов.

Ведь если сравнить журнальный рисунок с письмом, то газетная карикатура — это краткая телеграмма, быстрый и острый отклик на событие.

Ротов был великолепным иллюстратором. Вспомним его интереснейшие рисунки к «Двенадцати стульям» Ильфа и Петрова, классические иллюстрации к многочисленным произведениям для детей Самуила Маршака, Корнея Чуковского и Сергея Михалкова. Достаточно назвать его портрет дяди Степы, удивительный по своей выразительности и близости к авторскому замыслу.

Для Ротова как бы не существовало трудностей. Такое сложнейшее для иллюстрации произведение, как «Хоттабыч» Л. Лагина со всеми его фантастическими ситуациями, буквально засверкало, оживленное волшебной ротовской выдумкой.

Вспоминаю, как влюблены были в ротовские рисунки Валентин Петрович Катаев и Василий Иванович Лебедев-Кумач. Они неизменно обращались ко мне как художественному редактору «Крокодила» с просьбой, чтобы их фельетоны обязательно иллюстрировал Константин Павлович...

— Ротов буквально обогащает авторский материал, — говорил В. П. Катаев.

О СЕРЕНЬКОМ КОЗЛИКЕ

(Новый вариант)

1950

ГОРЬКАЯ ОБИДА

— Увольнили... За пьянство, говорят... Что же?! Такие, как я, на улице не валяются...

1927

— Его рисунки расширяют кругозор читателей, позволяют им увидеть очень важные черты и детали, которые могут пройти незамеченными при чтении произведения. Больше того, бывает и так, что не только читатель, но и сам автор произведения, глядя на ротовские иллюстрации, тоже делает открытия и видит собственные мысли в новом свете, в совершенно неожиданном повороте. Вот что такое настоящий талант!

Впоследствии Ротов сделал отличные иллюстрации к повести В. Катаева «Белеет парус одинокий».

Сам Константин Павлович критически относился к своим иллюстрациям раннего периода. В своей статье «Об искренности»⁴ он признается, что первое время подражал манере таких художников, как Чехонин, Нарбут, Митрохин. В рисунках того периода не было, по его собственному свидетельству, главного: искренности, теплоты, художественной простоты.

Все эти качества, характерные для творчества К. П. Ротова, пришли несколько позже и принесли ему большую популярность как иллюстратору произведений Ильфа и Петрова, С. Маршака, К. Чуковского, А. Барто, С. Михалкова, Л. Лагина и других известных писателей. Нельзя не упомянуть чудесное издание стихов Самуила Маршака со страничными иллюстрациями Ротова, вышедшее в 1938 году.

Очень интересно рассказывает о Ротове-иллюстраторе писатель Андрей Некрасов, произведение которого «Приключения капитана Врунгеля» вышло с замечательными иллюстрациями Константина Павловича:

«История их такова. Ротов был в то время с головой завален работой и день за днем откладывал разговор об иллюстрациях для «Врунгеля». Наконец, буквально выследив его, я поймал Ротова в столовой издательства «Правда» и тут между сосисками и кофе коротко рассказал ему содержание повести. Ротов сначала отмахивался, ссылаясь на занятость, но на другой день сам позвонил мне и пригласил для разговора».

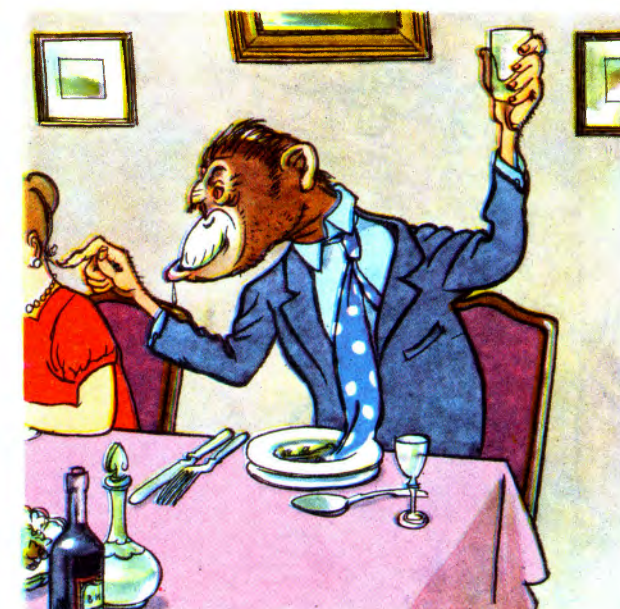
Ротов очень любил музыку. Отличный по тем временам приемник стоял в его маленьком рабочем кабинете и

⁴ Детская литература, 1935 г., № 3.

ОДИН МУДРЕЦ СКАЗАЛ: ВИНО СООБЩАЕТ КАЖДОМУ, КТО ПЬЕТ ЕГО, ЧЕТЫРЕ КАЧЕСТВА.

Вначале человек становится похожим на павлина — он пыжится, его движения плавны и величавы.

Затем он приобретает характер обезьяны и начинает со всеми шутить и заигрывать.

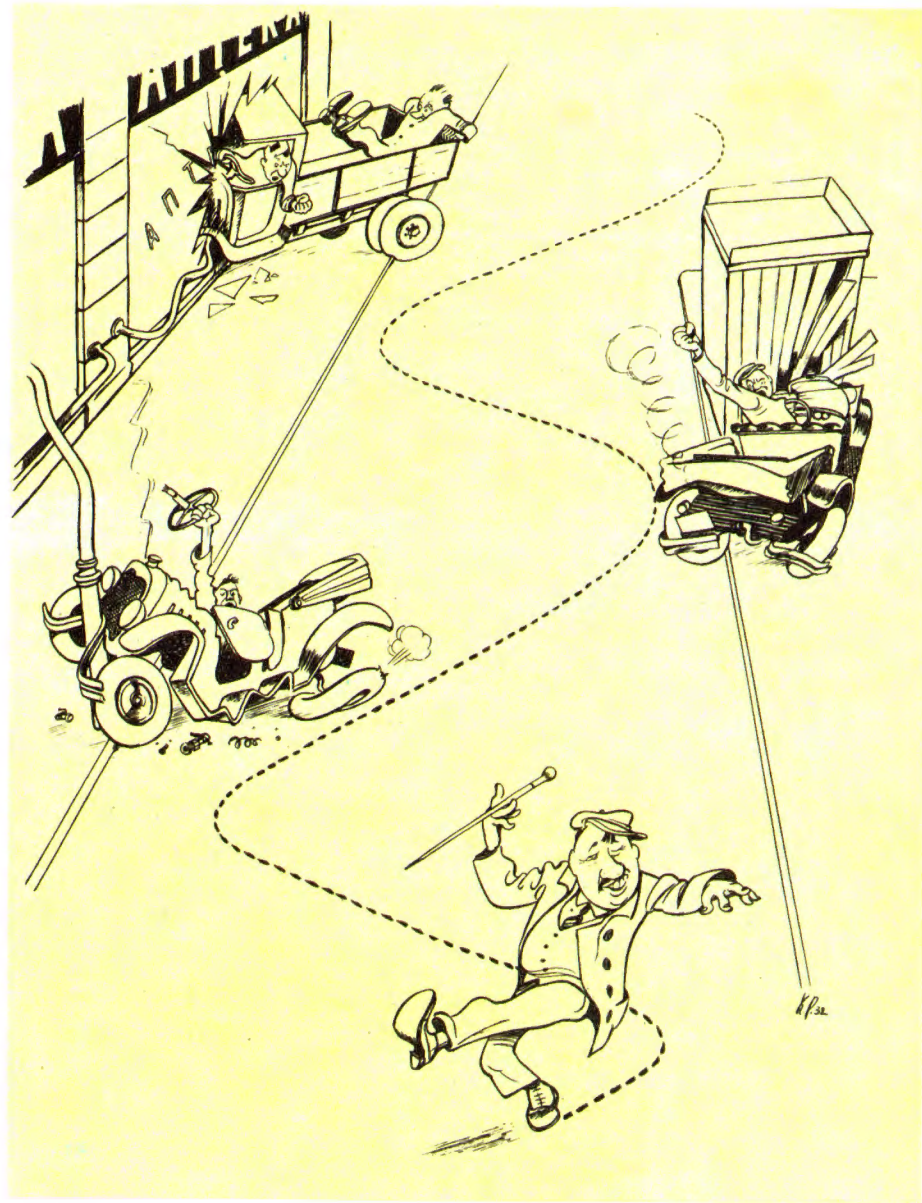

Потом он уподобляется льву и становится самонадеянным, гордым, уверенным в своей силе.

Но в заключение он превращается в свинью и, подобно ей, валяется в грязи.

1958

— А говорят еще, что по мостовой ходить опасно...

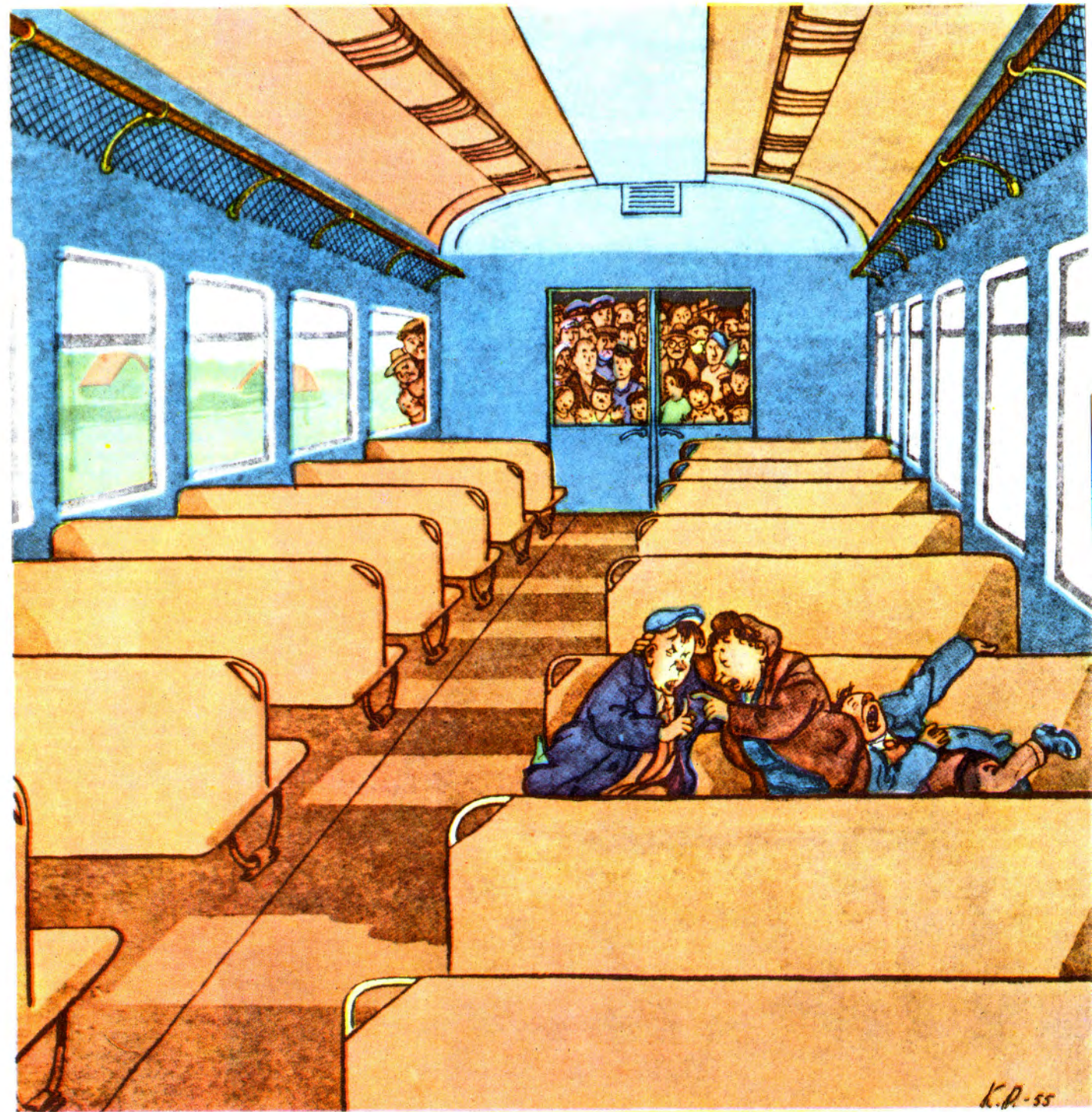
1932

все время потихоньку, чтобы не мешать беседе, наигрывал какие-то мелодии. Ротов, вооружившись карандашами, резинками и бумагой, выспрашивал у меня подробности устройства яхты капитана Врунгеля и управления ею, черты характеров и внешности героев. Его вопросы выходили далеко за рамки текста. Его интересовало и семейное положение моих героев, и их социальное происхождение, и образование. И тут же на листочках ватмана Ротов набрасывал бесчисленные варианты портретов персонажей повести, их фигуры, руки, глаза, одежду, движения... К концу этого памятного для меня разговора, длившегося несколько часов, я впервые увидел яхту «Беда», Врунгеля, Лома и Фукса такими, какими два месяца спустя увидели их читатели «Пионера»...

За время существования книжки многие художники и у нас и за границей брались за иллюстрацию «Врунгеля», но мне кажется, что до сих пор никто из них не превзошел Константина Павловича Ротова. Работа с Ротовым была отличной школой для меня. Удивительный мастер детали, Ротов и меня заставлял внимательнее приглядываться к подробностям ситуаций, в которых оказывались мои герои. А это, в свою очередь, постоянно отражалось и на тексте рукописи; комизм положения, на котором в целом построена повесть, дополнялся, таким образом, комизмом детали, что делало текст и реалистичнее и смешнее.

Иногда рисунки Ротова служили для меня прямыми подсказками для доработки текста. Рассматривая в редакции пробные листы, я обратил внимание на один из рисунков: стоя на корме «Беды», Врунгель с экипажем вышибал пробки из бутылок с шампанским. Одна деталь поразила меня в этом рисунке: в море падали подбитые пробками чайки. Эта отличная деталь просилась в текст. Но сделать ничего уже было невозможно, и только в книжном варианте два года спустя в повести появилась фраза: «Падают в море подбитые чайки...» Эта фраза, на мой взгляд, делает сцену выразительнее и динамичнее⁵.

⁵ Андрей Некрасов. «История с Врунгелем». «Детская литература» № 8, 1968 г.

В ПРИГОРОДНОМ ПОЕЗДЕ

Просим читателей ответить: на какой дороге вы видели эту картину?

1955

РЕГИСТРАЦИЯ
МОЛОДЫХ
ДАРОВАНИЙ

**СВОЕВРЕМЕННАЯ
ПОДДЕРЖКА**

— Ну, что, могу я надеяться?
— Можете. С сего числа особым приказом вы зачисляетесь в молодые дарования.

Так яркая фантазия художника дополняла, украшала текст, помогала автору сделать своих героев более жизненными, объемными, красочными.

Ротов понимал, что настоящая иллюстрация — это гораздо больше, чем добросовестное изображение событий, излагаемых в тексте. В своих рисунках он всегда говорил собственное слово, дополнял автора, открывая часто детали, почему либо не доходившие до читателя при чтении текста.

Ротов был влюблен в технику и, как ребенок, восторженно радовался всяким новейшим достижениям, начиная с воздушного лайнера последней конструкции и кончая остроумной и оригинально оформленной технической игрушкой. В течение ряда лет Константин Павлович был членом редколлегии популярного детского журнала «Юный техник» и автором множества остроумнейших рисунков, увлекательно популяризирующих новинки в различных областях техники.

Константин Павлович очень любил ребят, и особое удовольствие ему доставляло делать рисунки на детскую тематику. Вот почему с таким увлечением Ротов работал в журнале «Веселые картинки», на страницах которого он печатался регулярно.

Достаточно вспомнить, что в 1956 году, когда только начался выход журнала, в первых четырех номерах «Веселых картинок» было помещено два больших ротовских разворота и еще три страничных рисунка. Кстати, обложка первого номера нового журнала тоже принадлежала ему. В 1957 году в «Веселых картинках» было помещено десять разворотов (!) — сложнейших многофигурных рисунков.

Михаил Михайлович Черемных, очень любивший Константина Павловича и высоко ценивший его талант, сидя как-то в редакции «Веселых картинок», шутя заметил:

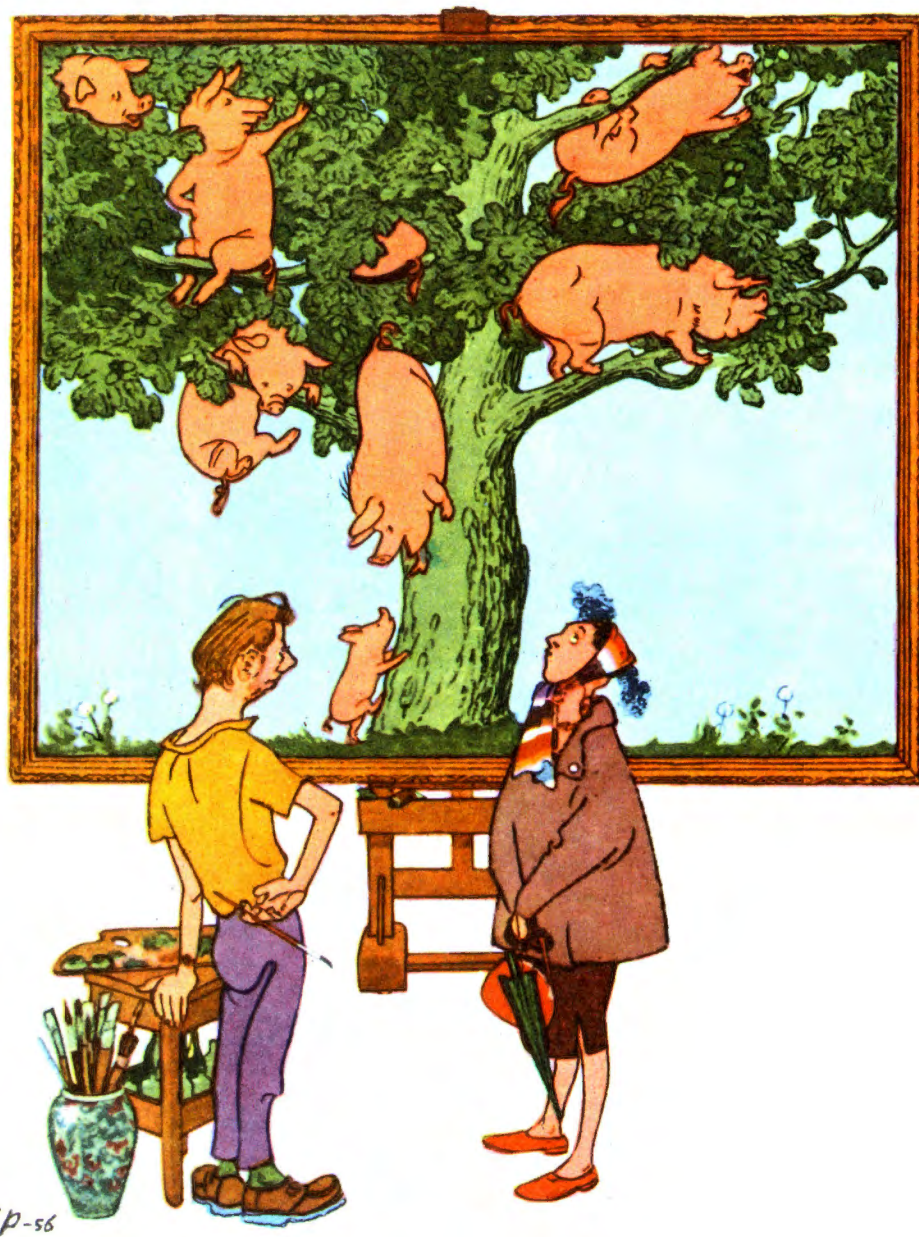
— Костя, сколько же ты нарисовал разворотов! Пора называть тебя не Ротов, а Разворотов!..

Ротову пришлось пережить большую трагедию. По ложному доносу он был репрессирован в годы культа личности, но, даже находясь в лагере, он много рисовал, оформляя в клубе театраль-

ФЕЛИКС КОН:—Наконец-то новый автор!.. Что вы написали?

ХАЛТУРЩИК: — Заявление об авансе...

KP-56

ИСКУССТВО И ЖИЗНЬ

- А как же свиньи залезают на дерево?
- Понятия не имею. Я слышал только, что они питаются желудями.

1956

ные постановки, стенгазеты, красочные плакаты. После реабилитации он снова вернулся к плодотворной работе в печати. Кукрыниксы вспоминают, что, когда они спросили Костю, не будет ли мешать его работе пережитое им чувство обиды, он ответил очень просто:

— Нет. Те, по чьей вине я пострадал, сурово наказаны, а больше мне не на кого обижаться. Я с огромным счастьем буду работать для народа, как работал всегда. Только бы позволило здоровье...

Наследство, оставленное им,— это настоящий художественный клад, который уже выдержал и еще многие десятилетия выдержит испытание временем.

Ротов сразу засиял на сатирическом небосклоне, как звезда первой величины, и блеск его творчества разгорался все ярче и ярче, пока преждевременная смерть безжалостно не погасила талант этого незабываемого поэта и рыцаря смеха, носителя веселой и жизнерадостной улыбки.

Имя Ротова останется в истории карикатуры наряду с Домье, Гульбрансоном, Жаном Эффелем и всей блестящей плеядой наших советских карикатуристов, получивших мировое признание.

Точно так же, как в календаре помещают даты рождения выдающихся ученых, политических деятелей, актеров, художников, композиторов, на листке от 4 марта 1902 года должна занять свое почетное место дата рождения замечательного мастера смеха, одного из ярчайших представителей сатирического племени — Константина Павловича Ротова.

И. АБРАМСКИЙ
Заслуженный работник культуры
РСФСР

Как выглядел бы город, если бы конструкторы-транспортники и следовали вкусам некоторых наших архитекторов.

1956

ПОЧТИ ПО БРЕМУ

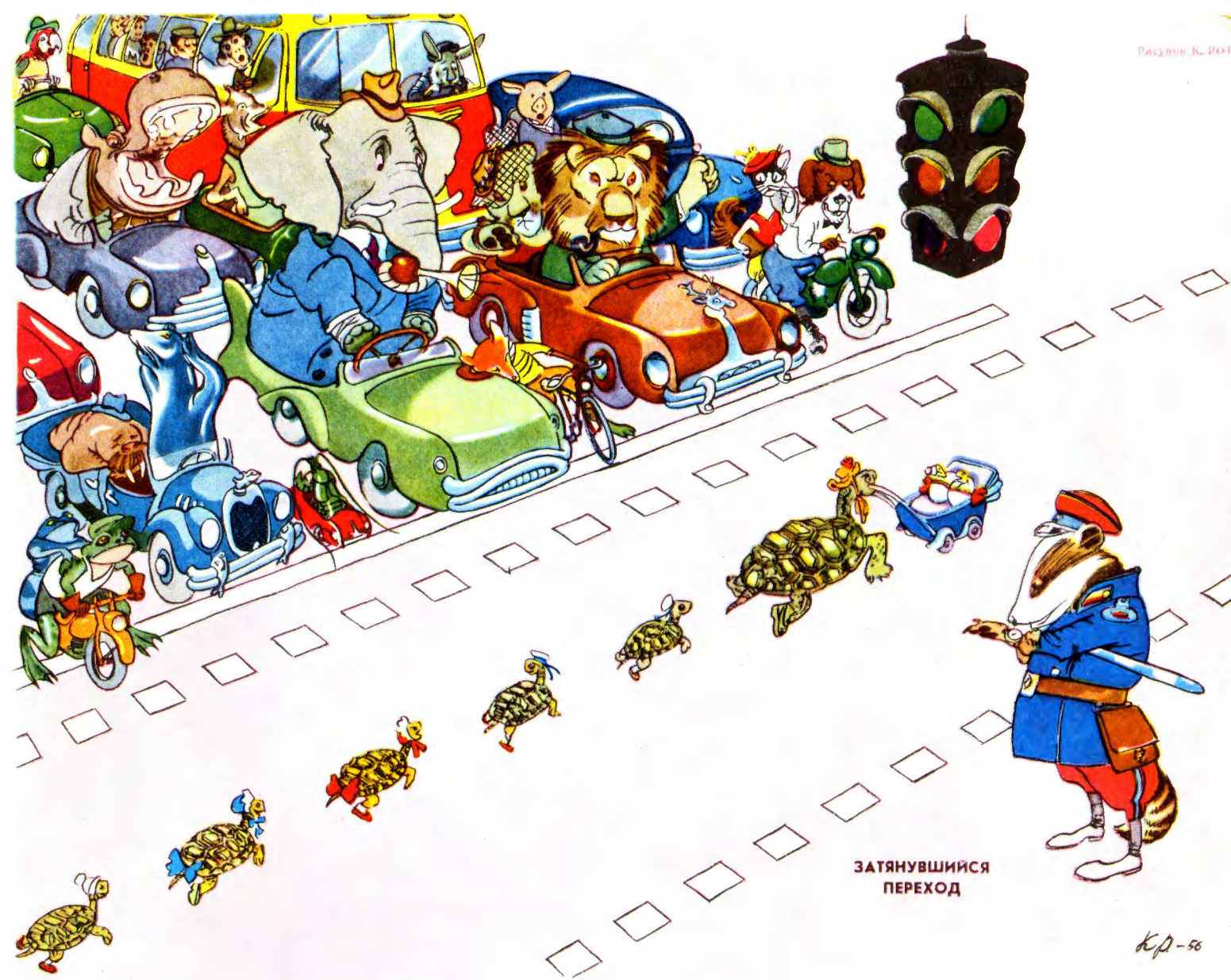

БЕГЕМОТ

ПОПУГАЙ

1958

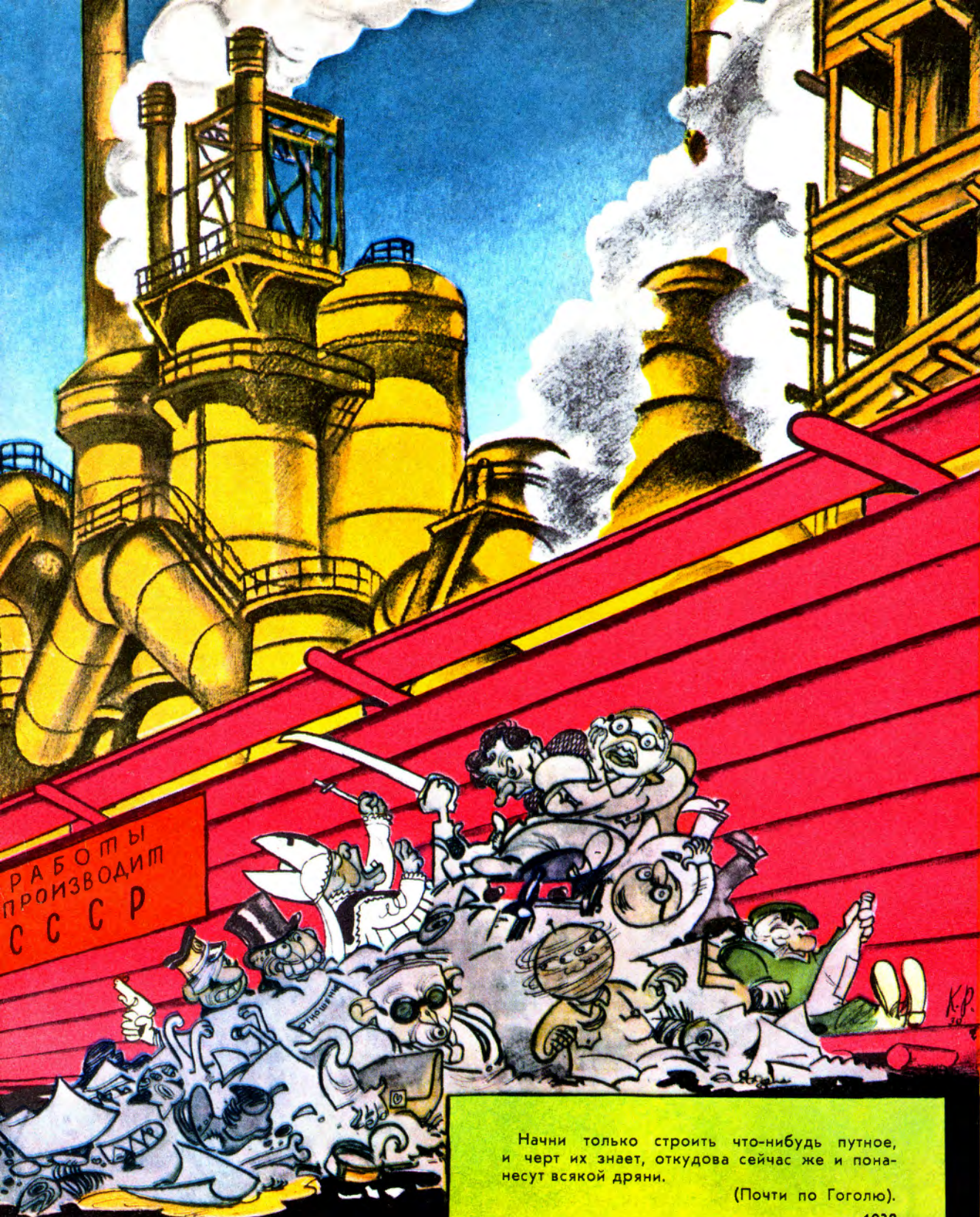

ЗАТЯНУШИЯСЯ
ПЕРЕХОД

КР-56

1956

Константин Ротов
КАРИКАТУРЫ
Редактор Бор. Ефимов.
Составитель и художественный редактор
И. Абрамский.
Технический редактор Г. Огородников.
А 00142
Подписано к печати 18/IX—1970 г.
Объем 3,48 усл. печатного листа.
Формат 70×90/12
Тираж 100 000 экземпляров.
Издательский № 2031.
Заказ № 1233.
Ордена Ленина типография
газеты «Правда» имени В. И. Ленина.

Начни только строить что-нибудь путное,
и черт их знает, откуда сейчас же и пона-
несут всякой дряни.

(Почти по Гоголю).

1930